

Первый день на новом месте не задался. Ужин вышел скудным — наспех съеденные пирожки со свиной еда ли могли похвастаться мясным соком, — и трапеза закончилась тяжелым молчанием. Они разошлись, так и не найдя общего языка.

Если быть точным, Шэнь Цинчжоу просто вспылел. В сердцах он даже порывался бросить этот дом и вернуться на постоянный двор.

Там, по крайней мере, ночью в просторных комнатах он оставался предоставлен самому себе. Его старшие соученики, нещадно тратя серебро эскортного агентства «Небесный тигр», пустились во все тяжкие — будто вознамерились перед отъездом из Линьяня разом наверстать все годы монастырского воздержания.

Шэнь Цинчжоу уже застегнул пояс с мечом и шагнул к порогу, но в главном зале наткнулся взглядом на Лочэня. Тот, припадая на искаленную ногу, с трудом собирал со стола посуду, собираясь унести ее на кухню. Злость его как ветром сдуло. Сердце внезапно сжалось от жалости; он молча подошел, бесцеремонно отобрал у калеки глиняные пиалы и сам унес их в пристройку.

Разумеется, мыть их он и не подумал — просто бросил на стол. Но этот порыв помог ему остыть. В самом деле, он ведь сам вытащил несчастного из Башни Красного и Зеленого, намереваясь облегчить ему жизнь, а теперь из-за глупой обиды готов умыть руки? Слишком мелко для благородного мужа. Шэнь Цинчжоу уныло оглядел закопченную утварь, остывший очаг и со вздохом вернулся в комнату.

— Ложись сегодня пораньше, — буркнул он Лочэню, стараясь не смотреть тому в глаза. — С остальным разберемся завтра. Утром мне еще нужно сходить за лекарствами. Я спать.

Не дожидаясь ответа, он ушел к себе. Просторную главную комнату Шэнь Цинчжоу уступил калеке — в конце концов, именно тот со временем станет полноправным хозяином этого дома, а сам он здесь лишь временно. Заняв одну из трех каморок в левом флигеле, юноша скинул верхний халат, пристроил верный меч у изголовья и закрыл глаза, надеясь поскорее уснуть.

Однако сон не шел. Шэнь Цинчжоу ворочался с боку на бок, но дрема упорно обходила его стороной. Чем сильнее он пытался заставить себя уснуть, тем сильнее росло раздражение, а в голове, поднимая тучи пыли и сотрясая землю, с гулом проносилась безумная кавалькада мыслей.

Около третьей стражи терпение его окончательно лопнуло. Шэнь Цинчжоу резко сел в постели, распахнул окно и при бледном лунном свете принялся шарить по углам, пока не наткнулся на огниво и несколько огарков.

Чиркнув кремнем, он зажег один из них и принялся осматривать свое скромное пристанище.

Прежние хозяева явно не жаловали этот покой: кроме шаткой деревянной кровати, здесь не нашлось никакой утвари. Шэнь Цинчжоу обошел углы со свечой, но так и не обнаружил ни подсвечника, ни масляной лампы. Делать было нечего. Он зажег еще парочку огарков, закрепил их прямо на дощатом полу каплями растопленного воска, а сам уселся рядом, скрестив ноги, и раскрыл заветную тетрадь с зарисовками жестов.

Чтение увлекло его с головой. Юноша и подумать не мог, что простые движения пальцев, меняющие значение в зависимости от высоты и наклона ладони, способны складываться в столь сложную и живую речь. Тонкая тетрадка таила в себе бесконечное множество сочетаний — это завораживало почти так же, как в свое время его пленило изящество родного стиля меча Сяояо.

Когда он дошел до последней страницы, он заметил летящие, размашистые строки:

«Пусть тело наше немощно, но дух пребудет цел. Кому не дано слышать и говорить, те все же ведают и радость, и печаль, не отличаясь в том от прочих живущих под небесами. Нам, хранящим в сердцах искренний пламень, не пристало стыдиться своего убожества. Помните же мудрость древнего поэта: „Раз Небо жизнь дало — применит и меня“. Храните сие знание в душе и не забывайте».

Судя по всему, эти строки были переписаны от руки, и размашистый почерк выдавал руку старейшины Бая. В груди Шэнь Цинчжоу защемило от странного чувства. В этот миг пламя вздрогнуло и один из огарков, испустив струйку сизого дыма, окончательно погас.

Только теперь он ощутил, как затекли плечи и ноет поясница. Шэнь Цинчжоу задул оставшиеся свечи, поднялся с пола и с удовольствием потянулся всем телом. Мысленно повторив заученные знаки, он бережно свернул тетрадь, спрятал ее под подушку и, толкнув дверь, вышел в тишину ночного двора.

Небо на востоке едва заметно посветлело, хотя вокруг по-прежнему царила густая, сонная тишина. На западе сиротливо висел бледный серп луны. Вскоре набежавшие с севера клочья темных туч прикрыли его полупрозрачной вуалью; тусклое сияние растеклось по краям облаков, размывая их очертания, и на землю пролился зыбкий, призрачный свет, с трудом пробившийся сквозь небесную пелену.

«Холодный свет крадется в сны,

Пусть разделяют нас холмы,

Мы живы под одной луной...

Но знаешь ли, о друг мой дорогой,

Куда уходят облака?..»

Шэнь Цинчжоу замер посреди двора, вглядываясь в предрассветный туман. По его расчетам, близилась пятая стража — ложиться теперь не имело никакого смысла. Вернувшись в каморку, он забрал меч и снова вышел на воздух. Хватит праздных мыслей. Меч покинул ножны с едва слышным шелестом. Юноша замер на мгновение, ловя равновесие, а затем плавно повел клинком, связывая новые приемы в единый, непрерывный поток.

В тишине двора раздался чистый, переливчатый голос бамбуковой флейты. Музыка то взмывала ввысь вслед за взмахами клинка, то плавно опускалась к самой земле, угадывая каждое его движение. Шэнь Цинчжоу вел бой с невидимым противником, изумляясь тому, как идеально незнакомый напев ложится на рисунок его шагов. Стоило ему закружиться в приеме «Плывущие облака, заслоняющие солнце», как мелодия сделалась тягучей, наполнилась щемящей тоской. Меч и флейта слились воедино, словно два старых друга, угадывающих мысли друг друга без слов.

Дыхание Шэнь Цинчжоу сделалось жарким, кровь быстрее побежала по жилам. Поддерживаемый этой невидимой опорой, он вкладывал в каждый выпад всю душу, выплескивая наружу накопившуюся горечь и сомнения. Меч пел в его руках. Когда завершающее движение приема «Облака, следующие за господином при переправе» оборвало полет клинка, юноша замер, тяжело дыша. На душе сделалось удивительно легко, словно сильный ветер разом разметал скопившиеся над головой грозовые тучи.

Переведя дух, Шэнь Цинчжоу обернулся. В дверях главного зала, прямой как натянутая струна, стоял Лочэнь, бережно сжимая в тонких пальцах бамбуковую флейту.

— Ты...

Юноша скользнул клинком в ножны и сделал несколько шагов к дому. В паре сажений от порога он невольно остановился, всматриваясь в скрытое полумраком лицо Лочэня. Сорвавшееся с губ слово повисло в воздухе; Шэнь Цинчжоу попросту не знал, что говорить дальше.

Таинственный калека, прозябавший на самом дне публичного дома, вызывал у него все больше вопросов. Шэню Цинчжоу отчаянно хотелось спросить напрямую: «Кто ты такой? Из каких земель держишь путь?»

Этот человек не просто умел писать — по его каллиграфии и точному выбору слов было очевидно, что он получил прекрасное образование. Он тонко чувствовал музыку и виртуозно владел флейтой. Само по себе это не бог весть какое чудо для обитателей веселых кварталов, но подыгрывать чужой импровизации на мечях? Без острого глаза, мгновенной реакции, отточенного мастерства и, главное, глубокого понимания законов боевых искусств это было попросту невозможно!

В памяти Шэнь Цинчжоу мгновенно всплыла та сумбурная потасовка у дверей борделя.

Вопросы, терзавшие его тогда, неожиданно нашли ответ: Лочэнь действительно владел искусством поражения уязвимых точек. Вот только в его теле не осталось ни капли внутренней силы, чтобы подкрепить эти смертоносные касания.

Из-за отсутствия ци удары Лочэня выглядели беспорядочными взмахами перепуганного обывателя — именно поэтому Шэнь Цинчжоу не сразу разглядел за ними истинную школу.

Десятки вопросов так и просились на язык, но Шэнь Цинчжоу упрямо смолчал, не желая беречь чужие раны расспросами. Внезапно его осенило. Прижав локтем к боку, он поднял руки и быстро сложил пальцы в условный знак.

Лочэнь на мгновение замер, а затем медленно сделал шаг навстречу. В призрачном серебре предраассветного неба на его лице, сплошь покрытом уродливыми шрамами, отчетливо проступило крайнее изумление.

Он ответил быстрым движением пальцев. Шэнь Цинчжоу присмотрелся, припоминая рисунки из тетради, и его руки замелькали в воздухе. Пару раз он запнулся, но все же сумел без грубых ошибок связать в единую фразу четыре довольно сложных знака. Довольный собой, он широко улыбнулся и спросил вслух:

— Ну как? Достаточно точно у меня выходит?

Лочэнь посмотрел на него с восторгом, однако под этим искрящимся взглядом Шэнь Цинчжоу уловил едва заметный блеск, подозрительно похожий на влагу закипающих слез.

— Брат Ло, — не удержался от вопроса Шэнь Цинчжоу, — неужто и ты вспомнил о прошлом?

Лочэнь на миг растерялся, затем качнул головой и, заткнув флейту за матерчатый пояс, быстро задвигал руками:

«Твой танец с мечом невероятно красив».

«Ты ведь когда-то занимался воинскими искусствами?» — подхватив правила игры, ответил Шэнь Цинчжоу одними руками. Вежливых обращений в этой азбуке не предусматривалось, так что пришлось обойтись без лишних церемоний.

Лочэнь лишь с улыбкой покачал головой в знак отрицания. Медленно, припадая на ногу, он подошел почти вплотную. Он беззвучно шевелил губами, вторя быстрым движениям пальцев:

«Когда ты держишь в руках клинок, твои движения похожи на прекрасный, завораживающий танец. В прежней жизни мне доводилось играть для лучших танцовщиц Поднебесной, вот руки сами и потянулись к флейте. Надеюсь, ты не в обиде на мою дерзость?»

— Танцовщица? Я?! — лицо Шэнь Цинчжоу мгновенно вытянулось от обиды, и он не сдержал возмущенного возгласа: — Хочешь сказать, я двигаюсь как девка на пиру?

К величайшей досаде юноши, Лочэнь даже не подумал отпираться. Он лишь мягко улыбнулся, согласно кивнул и хладнокровно добавил еще один жест, добивая собеседника:

«Ты превосходишь их всех своей красотой».

Шэнь Цинчжоу несколько долгих мгновений сверлил Лочэня взглядом. Однако на изувеченном лице не было и следа насмешки — тот восхищался им совершенно искренне. Юноша тяжело вздохнул и, пряча невольное смущение за напускной раздражительность, проворчал:

— Брат Ло, заклинаю тебя, запомни раз и навсегда: больше всего на свете я ненавижу, когда меня называют смазливym. Если ты еще хоть раз сравнишь меня с девкой-плясуньей, клянусь, я... я просто возьму меч и исполосую себе лицо, чтобы стать таким же, как ты!

Едва последнее слово сорвалось с его губ, как в воздухе мелькнула тень. Рефлексы сработали быстрее разума: Шэнь Цинчжоу вскинул левую руку и жестко перехватил чужое запястье в полумерке от своего лица. Осознав случившееся, он опешил. Лочэнь стоял перед ним, тяжело дыша от ярости, он лихорадочно блестел здоровым глазом и плотно сжал губы. Этот калека без малейших колебаний попытался вклепить ему пощечину! Конечно, для обычного человека, лишённого внутренней силы, такая попытка заставить мастера врасплох была обречена на провал.

Видя, как тяжело дышит Лочэнь, Шэнь Цинчжоу мысленно обругал себя последними словами за глупую болтовню. Надо же было ляпнуть такое! Он собственными руками бесцеремонно ковырнул чужую незажившую рану.

Сконфуженно разжав пальцы, он поспешно опустил голову:

— Прости дурака, ляпнул не подумав. Не сердись, прошу тебя. На самом деле... — он прямо посмотрел в глаза Лочэню и тихо, но твердо добавил: — Я думаю, ты и сейчас... прекрасен. Не в том смысле, как барышни с картин, но... в тебе есть нечто настоящее. Очень хорошее.

Лочэнь лишь растерянно моргнул и быстро сложил пальцы в знак вопроса:

«О чем ты?»

Шэнь Цинчжоу, всегда находивший выход из любых передраг, сейчас окончательно смешался. Он не знал, какими словами выразить то, что чувствовал, и лишь настойчиво повторил вслух:

— Правда. Ты и сейчас выглядишь достойно. Я... я больше совсем не замечаю твоих шрамов.

Лочэнь слегка нахмурился, он по-прежнему смотрел с глухим недоверием.

Шэнь Цинчжоу мягко улыбнулся:

— Так что давай сговоримся: ты больше не поминаешь мою «красоту». В конце концов, все мы под луной — лишь бrenная плоть, глиняные сосуды, в которые на время вдохнули жизнь. И еще... — юноша помедлил, опустив взгляд на рукоять меча. — Пожалуйста, не проси меня отречься от Первого старшего брата. Этот стиль, который ты назвал танцем... я ведь создал его ради него. Его второе имя — Юньхэ, «Куда возвращаются облака». И моя техника — это вечный вопрос о том, куда вернутся облака. Я верю, что наступит день, когда я все-таки отыщу дорогу к его пристанищу.

<http://bllate.org/book/19915/2041322>